

Идеологема "патриот" в русской, советской и постсоветской культуре Лозунг и ругательство

Автор: М. П. ОДЕССКИЙ, Д. М. ФЕЛЬДМАН

Вниманию читателя предлагаются две статьи на тему русского патриотизма. Стоит ли говорить о том, какую актуальность эта тема приобрела в современной российской общественно-политической мысли. Журнал заинтересован в ее всестороннем обсуждении. Предложенные вашему вниманию статьи серьезно различаются и в подходах, и в концептуальном отношении. На наш взгляд, более объективно и всесторонне эта тема раскрывается в первой из них, но мы предлагаем читателю вынести собственные суждения и поделиться своими мнениями в рубрике "Из почты "ОНС"".

Слово *патриот* весьма часто употребляют в современных российских политических дискуссиях. Для одних оно своего рода лозунг на знамени, другие же используют его в качестве отрицательной характеристики оппонентов.

Истолкования полярны. В одних случаях *патриот* - жертвующий или готовый жертвовать своими интересами ради интересов отечества. Соответственно, в других случаях *патриотами* именуют лицемеров, заботу о собственной выгоде маскирующих заботой об интересах отечества, борьбой с некими врагами. Нет нужды спорить о том, что считать правильным или неправильным. Интереснее другое: почему слово *патриот*, казалось бы, не подразумевавшее негативной эмоциональной окраски, такую окраску все же обрело.

Патриоты и верноподанные

В новых европейских языках слово *патриот* понималось изначально как "соотечественник, земляк". Здесь очевидна связь с "внутренней формой" слова, его очевидным значением, соотносимым с подразумеваемым носителями языка происхождением: ведь латинское *patria* "отечество", "земля отцов". Позже в ряде контекстов *патриоты* - те, кто заботятся о благе отечества и считают это важнейшей целью. Такой вариант словоупотребления стал наиболее распространенным, соотносился с контекстом античной

___ *О д е с с к и й* Михаил Павлович - доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

Ф е л ь д м а н Давид Маркович - кандидат филологических наук, профессор факультета журналистики РГГУ.

культуры, традицией "воспитания любви к отечеству", "гражданских добродетелей". Для обозначения же понятий "земляк", "соотечественник" начало использоваться другое слово - *компатриот*.

Примечательно, что слово *патриот* употреблялось поначалу довольно редко. Обуславливалось это спецификой представлений о государстве и месте в нем человека, о его отношениях с государством. В сословном государстве, где права и обязанности каждого определяются прежде всего правами его сословия, вопрос о деятельном выражении любви к отечеству, то есть к отечеству в целом, а значит, и к обществу в целом, был не из актуальных. Там важнейшие политические характеристики - "верный слуга монарха", "верноподданный". Богом данный монарх - олицетворение государства. Понятия "отечество" и "государство" в сословном государстве признаются тождественными, преданность законному монарху тождественна преданности отечеству. Соответственно, нет особой нужды в термине, подразумевающем заботу о благе отечества, то есть и общества в целом, без учета сословных границ.

Заметно меняется ситуация к XVII в., а в следующем веке актуально уже противопоставление интересов носителя власти интересам отечества. К примеру, политический климат Великобритании 1730-х гг. определялся борьбой так называемых "придворных" и "патриотов". Лидеры парламентской оппозиции именовали себя "патриотами", а "придворными" - своих противников, которых возглавлял премьер-министр, пользовавшийся поддержкой королевской четы. Таким образом лидеры парламентской оппозиции подчеркивали, что защищают интересы общества в целом, то есть интересы отечества, тогда как премьер-министр и его сторонники защищают интересы короля. Акцентировалось, что *патриот* ставит долг перед отечеством выше долга *верноподданного*. Отсюда недалеко и до окончательного противопоставления *верноподданных патриотам*.

Просветительской идеологией постулировалось безусловно положительное отношение к слову *патриот*. Это было определено аксиоматически признаваемой возможностью противопоставления интересов отечества интересам монарха, то есть властителя, не контролируемого обществом.

Такое противопоставление характерно и для идеологов американской революции. Новый Свет они провозгласили истинным отечеством колонистов, следовательно, интересы отечества тождественны интересам общества колонистов, поэтому и власть метрополии, власть английского короля, не контролируемая колонистами, была объявлена "тиранической". Соответственно, *патриотами* именовались восставшие против "тиранической" власти. Т. Джефферсон выразил эту идею лаконично и с присущей ему полемической агрессией: "Древо свободы должно время от времени освежаться кровью патриотов и тиранов" [Jefferson, 1977, p. 124].

Лидеры колонистов провозгласили своей целью создание нового государства, устроенного в отличие от монархии справедливо, государства равноправных, государства, охраняющего права каждого гражданина. С момента его создания интересы общества в целом надлежало считать тождественными интересам государства, благодаря чему снималась и сама возможность противопоставления интересов носителей власти - интересам общества в целом, то есть интересам отечества.

Лидеры Великой французской революции заимствовали американский опыт. Потому на исходе XVIII в. слово *патриот* ассоциировалось с лозунгами Великой французской революции, что опять же подразумевало противопоставление интересов отечества интересам монарха.

Это противопоставление особенно актуально в период войны Франции с коалицией европейских монархов. Хрестоматийно известным стал тогда лозунг "Отечество в опасности!". И в 1792 г. был сформирован даже парижский батальон "патриотов 1789 года". Указанием даты в названии войсковой части подчеркивалось, что речь идет не просто о любви к отечеству, но о верности идеалам революции, преобразившей отечество.

В подобного рода контекстах *патриот* всегда противопоставлен *верноподданному*.

Русский иностранный

В России Петра I слово *патриот* обиходным не было. И даже в царствование Екатерины II оно еще не стало таковым. Тогда его употребляли лишь представители интеллектуальной элиты, конечно же, знакомые с просветительской идеологией. Прежде всего - сама Екатерина II. Рассуждая о событиях, связанных с отстранением Петра III от власти, она называла *патриотами* своих сторонников, противопоставляя их монарху, пренебрегавшему интересами отечества.

Аналогично и русский дипломат Ф. Куракин, характеризуя политическую ситуацию в Швеции, писал: "Угнетенная вольность и обманом введенная самодержавная власть занимают еще шведов, находят место в их рассуждениях и от того довольно основательно подают надежду со временем число и предприимчивость благонамеренных патриотов к разрушению настоящей королевской власти умножить" [Архив... 1899, с. 286 - 287].

Впоследствии для Екатерины II, да и для Куракина, слово *патриот* уже не было положительно окрашенным, что обуславливалось результатами использования просветительской идеологии в эпоху Великой французской революции. Эскалация насилия и якобинский террор ужаснули многих русских интеллектуалов, воспринявших просветительскую идеологию, в частности А. Радищева. И все же для Радищева слово *патриот* осталось положительно окрашенным. В "Беседе о том, что есть сын отечества" Радищев рассуждал о "величественном наименовании "сына отечества" (патриота)...". Кстати, он еще подчеркивал, что "под игом рабства находящиеся не достойны украшаться сим именем" [Радищев, 1938, с. 215].

Примечательно, что для Радищева на исходе 1789 г. слово *патриот* - иностранное, нуждающееся в пояснении как еще не вошедшее в обиход, понятное немногим. Зато в царствование Павла I использование данного слова регламентировалось из-за предсказуемых ассоциаций с "якобинизмом". Тут опять подразумевалась оппозиция терминов *патриот/верноподданный*.

В начале царствования Александра I использование слова *патриот* было тоже маркированным поступком, но по другой причине. Воспринимаемое в качестве галлицизма, оно ассоциировалось прежде всего с полемикой о принципах реформирования литературного языка, отстаиваемых Н. Карамзиным и его сторонниками. Как известно, карамзинисты, в отличие от сторонников А. Шишкова, полагали возможным и уместным использование в русской устной и письменной речи терминов заимствованных, но не имеющих русских аналогов. Например, В. Измайлов, один из самых известных тогда карамзинистов, издавал в 1804 г. журнал "Патриот", где, ко всему прочему, пропагандировалась все та же традиция "воспитания любви к отечеству" (см. [Одесский, 2006, с. 147 - 149]).

Войны с наполеоновской Францией вновь изменили ситуацию. Характерно, что самый популярный русский журнал в 1812 г. - "Сын Отечества". Его издатель Н. Греч объяснил позже, что это название невольно подсказал ему погибший в сражении брат. По словам Греча, накануне гибели брат отправил письмо, где сообщал, что если придется умереть, то умрет он как "истинный сын отечества". Возможно, причина такой и была, но возможно, что дело не только в цитате и не в предсказуемых ассоциациях с журналом Измайлова. Греч, будучи издателем, ориентировался на конъюнктуру. Хотя традиция "воспитания любви к отечеству" считалась тогда актуальнейшей, правительство стремилось минимизировать влияние либеральной идеологии, поощряло любые проявления неприязни к противнику, а потому слово *патриот* было не вполне уместно и как заимствование из языка противника, и в качестве напоминания о лозунгах Великой французской революции. Однако заграничные походы русской армии еще более расширили круг тех, кто усвоил европейские идеологические установки.

У декабристов слово *патриот* было вполне обиходным, поэтому часто встречается в материалах следствия. Истолкование в целом соответствует сложившейся традиции: *патриот* - защитник интересов отечества, именно отечества в целом, а не только интересов монарха. Но были тут и свои нюансы. У декабристов слово *патриот* относилось

не столько к политическому, сколько к литературному дискурсу. Полемику удобнее всего было вести в области литературы, подразумевая, конечно, реалии политические. Соответственно, русскому *патриоту* надлежало способствовать сохранению и пропаганде того, что тогда называли "национальностью", а несколько позже - "национальной самобытностью", "народностью". Вот почему *патриотами* именовали себя прежде всего литераторы - К. Рылеев, А. Бестужев, А. Одоевский. Кстати, им и в самом деле была близка идея самобытности русской литературы, они отстаивали ее в печати, ну а вне печати монарху приписывалось игнорирование всего русского, то есть предательство интересов отечества ради интересов чужеземных. Как известно, для солдат была написана Рылеевым и Бестужевым агитационная песня: "Царь наш немец русский, / Мундир носит прусский..."

Антирусские действия монарха не сводились к предпочтению всего иноземного. Монарх, по словам оппонентов, пренебрегал и защитой отечества: "Только за парады/Раздает награды..." Поощряя тех, кто готовил войска не к боям, а к парадом, царь еще и преследовал истинных защитников отечества, не позволяя им служить отечеству: "А за правду матку / Прямо шлет в Камчатку..." [Рылеев, 1975, с. 326 - 327].

Русские *патриоты* в данном случае опять противопоставлялись *верноподданным*. И "тираноборческие" коннотации опять становились уместными.

Верноподданные патриоты

Идеологи эпохи Николая I тоже не преминули воспользоваться словом *патриот*. В аспекте пропагандистской прагматики выбор логичен. Традиция "воспитания любви к отечеству" была авторитетна, опирались же на нее те, в ком видели идейных противников самодержавия. Противников следовало лишить опоры, изменив, переосмыслив традицию. И слово *патриот* было переосмыслено, получило новое истолкование в официальном обиходе: *патриот* стал *верноподданным*. Точнее, правом именоваться *патриотом* наделяется лишь *верноподданный*, признающий монарха единственно возможным законным властителем, потому что только законный монарх и может быть властителем богоданным. Соответственно, и самодержавие для русского *патриота* - в официальном истолковании слова - не просто лучший, а единственно возможный режим.

Новые идеологические установки были выражены в хрестоматийно известной "триаде", предложенной С. Уваровым в 1832 г.: "православие, самодержавие, народность". Именно так, по словам Уварова, и формировались "охранительные начала" (см. [Лемке, 1908, с. 83]). Православие осмыслялось в качестве государственной религии, органически присущей России, самодержавие надлежало считать единственно соответствующим православию режимом, позволяющим сохранить пресловутую народность, то есть русскую самобытность; наконец, именно православию и самодержавию надлежало считать выражением народности.

Русские *патриоты* - в соответствии с официальными идеологическими установками - православные монархисты; основой же их единства были и остаются единственно "истинная вера" и, конечно, государь и государство как оплот этой веры. Ну а коль скоро русская вера - единственно "истинная вера" и русское государственное устройство идеально ей соответствует, все государственное - совершенно.

В силу этого официальной идеологией подразумевалось и утверждалось аксиоматическое признание всего русского заведомо лучшим по сравнению с иностранным. Расчет был прост и точен: с одной стороны, величие и могущество державы воспринимались как доказательства правильности существующего порядка, с другой - идея державного, этнического и конфессионального превосходства обосновывала сознание собственной исключительности, что должно было компенсировать интеллектуальную или социальную дефицитарность.

Официальные идеологические установки вполне предсказуемо стали объектом иронии многих русских интеллектуалов. К примеру, П. Вяземский предложил русский ана-

лог французского оборота "лакейский патриотизм" - "квасной патриотизм" (см. [Вяземский, 1878, с. 244]).

Дело было не только в том, что подразумеваемое отстаивание преимуществ русского кваса перед иностранными прохладительными напитками забавно само по себе. Вяземского забавляла еще и своего рода игра слов: сочетание русского прилагательного "квасной" с очевидным галлицизмом - "патриотизм". Таким образом подчеркивалось, что навязываемая синонимия понятий *патриот* и *верноподданный* порождает комические ассоциации. Но довольно скоро это сочетание уже не воспринималось столь комически.

Прежний контекст деактуализовался, слово *патриот* успело, что называется, обрусеть и уже не выглядело чужеродным в официальной пропаганде. Вот почему к началу 1840-х гг. использование слова *патриот* нехарактерно для русской либеральной традиции. Было, правда, исключение - ситуация защиты России от нападения врагов. Однако и тут подчеркивалось, что речь идет о защите отечества, а не интересов монархии. Например, М. Лермонтов, славивший героев Бородина, разделял понятия "родина" ("отечество", "отчизна") и "государство". "Родина" соотносилась с русской природой, русской культурой, "государство" же - "страна рабов, страна господ".

Противопоставление "истинной любви к отечеству" и "верноподданности" сохранялось и позже, в годы царствования Александра II. Характерно, что в предреформенные годы влияние официальной пропаганды все более ощутимо, слова *патриот* и *верноподданный* стали почти синонимами, при этом на уровне либеральной традиции официальные пропагандистские установки постоянно высмеивались, а потому и слово *патриот* вызывало комические ассоциации.

Например, в 1859 г. Малым театром была поставлена драма А. Островского "Гроза", где о заведомом превосходстве всего русского по сравнению с иностранным рассуждает невежественная странница Феклуша - персонаж бесспорно комический. На паломничество как таковое Феклуша сил не тратит, признаваясь, что "по своей немощи далеко не ходила, а слышать - многое слыхала". Об услышанном или выдуманном она и рассказывает столь же невежественным слушателям. По словам Феклуши, в тех странах плохо, где "нет царей православных, а салтаны землей правят". Неправославные владыки, конечно, беда для подданных, так как "что ни судят они, все несправедно". И хотя для характеристики Феклуши драматург не использовал слово *патриот*, в 1860 г. Н. Добролюбов написал о "Грозе" статью "Луч света в темном царстве", специально отметив, что "Феклуша принадлежит к партии патриотической и в высшей степени консервативной" [Добролюбов, 1937, с. 226].

Популярный критик акцентировал таким образом, что не намерен всерьез полемизировать с идеологами "квасного патриотизма". Он их попросту вышутил.

Зеркало патриота

Над официальными идеологическими установками издевался и М. Салтыков-Щедрин. В 1857 - 1859 гг. он опубликовал цикл очерков "Невинные рассказы", вызвавший, как водится, цензурные нападки. Причин было достаточно. Например, кредо *верноподданных*, сформулированное героем очерка "Наш дружеский хлам": "Итак, не корысть и не холодный эгоизм руководит нашими действиями и побуждениями, а собственно, так сказать, патриотизм. Сей последний в различных людях производит различные действия. Иных побуждает он лезть на стену, иных стулья ломать... нас же побуждает стоять смиренно. Согласитесь, что и это своего рода действие! Мы до такой степени любим наше Отечество в том виде, в каком оно существовало и существует издревле (*au naturel*), что не смеем даже вообразить себе, чтоб могли потребоваться в фигуре его какие-нибудь изменения" [Салтыков-Щедрин, 1951, т. 2, с. 99].

В 1872 г. было опубликовано щедринское сатирическое обозрение "Дневник провинциала в Санкт-Петербурге", где вновь пародировались рассуждения *верноподданных* публицистов, именующих себя *патриотами*. Некий отставной корнет Толстолобов, на-

пример, создал проект, согласно которому следовало "населить поморье Ледовитого океана людьми, оказавшимися, по испытании, неблагонадежными". После чего, полагал автор проекта, утверждению официальной идеологии будет уже гораздо менее препятствий.

Этому автору не уступал в рвении отставной подполковник Сдаточный, создавший проект с несколько эпатажирующим заглавием - "О переформировании де сиянс академий". Коль скоро, утверждал щедринский герой, "принято, что без наук прожить невозможно, то и нам приходится с сею мыслию примириться, дабы, в противном случае, в наших военных предприятиях какого ущерба не претерпеть. Как ни велико, впрочем, сие горе, но и оно можно малым сделать, ежели при сем, смотря по обширности и величию нашего отечества, соблюдено будет: *первое*, чтобы науки наши против всех прочих были превосходнее; и *второе*, чтобы оные подлинно распространяли свет, а не тьму" [Салтыков-Щедрин, 1951, с. 325].

Решение первой задачи, по мнению щедринского героя, достигалось утверждением идеи превосходства всего русского даже и в области науки, причем изначального превосходства. Если русское, значит, превосходное. Вторая задача была несколько сложнее, потому как требовалось умение определять, какие именно науки "подлинно распространяли свет, а не тьму". Но и решение немедленно предлагалось: "Дабы предотвратить в столь важном предмете всякие разногласия, всего натуральнее было бы постановить, что только те науки распространяют свет, кои способствуют выполнению начальственных предписаний" [Салтыков-Щедрин, 1951, с. 326].

Поставленные задачи подразумевали вопрос о средствах, необходимых для их решения. Ответ предлагался тут же: обе задачи решались "посредством заведения таких учреждений, которые имели бы в предмете не распространение наук, а тщательное оных рассмотрение". "Рассмотрением" *верноподданный* реформатор именовал оценку и в аспекте утверждения превосходства всего русского и с точки зрения соответствия "начальственным предписаниям".

Императорская Академия наук, по мнению реформатора, была для решения поставленных им задач непригодна: "Вместо того, чтобы рассматривать науки, академия де сиянс отчасти распространяла их, отчасти пребывала к ним равнодушной" [Салтыков-Щедрин, 1951, с. 325]. Причины непригодности Академии наук реформатор считал очевидными. Не хватало там ревнителей официальной идеологии: "Члены де сиянс академии, будучи в большей части из немцев, почитают для себя рассмотрение наук за нестерпимое и несносное" [Салтыков-Щедрин, 1951, с. 325]. Реформатор предлагал создать новую "де сиянс академию" - именно для пресловутого "рассмотрения". Курировать научную деятельность надлежало *патриотам*. Разумеется, *патриотам* в официально утверждаемом истолковании слова, то есть *верноподданным*.

Другой щедринский герой, отставной титулярный советник Филовертов, предложил не менее действенный метод искоренения крамолы. Заглавие поданного им проекта - "О необходимости оглушения в смысле временного усыпления чувств". В данном случае "оглушением" именовалось состояние, в силу которого человек не мог бы подвергнуть сомнению уместность "предписаний начальства", а с другой стороны, получил бы возможности реализовать интеллектуальную активность согласно "предписаниям начальства".

Для решения такой двуединой задачи надлежало использовать прежде всего меры цензурные. Правда, такие меры автор проекта достаточными не считал: "Ежели я человека посредством искусно скомбинированной системы воспрещений и сокрытий отвлеку от предметов, кои могут излишне пленять его любознательность или давать его мыслям несвоевременный полет, то этим я уже довольно много сделаю. Но "довольно" много еще не значит "все". Человек, лишенный средств питать свой ум, впадает в дремотное состояние, но - и только. Самая дремота его будет ненадежна и при первом нечаянном послаблении системы сокрытий превратится в бдение, тем более опасное, что благодаря временному оглушению последовало сбережение и накопление умственных сил" [Салтыков-Щедрин, 1951, с. 321]. Дабы ничего подобного не случилось, надлежало сбе-

реженные "умственные силы" направить на осмысление неких абстрактных проблем, к реальности отношения не имеющих. В результате, как утверждал автор проекта, умы "будут дремотствовать, но дремотствовать деятельно".

Стоит подчеркнуть еще раз, что щедринские персонажи ничего принципиально нового не предлагали. В их проектах были всего лишь, словно в зеркале, отражены, а затем доведены до логического завершения тезисы, сформулированные правительственными идеологами. Верноподданными, рассуждавшими о воспитании "патриотизма".

Еще более жестко расставлялись акценты в радикальной социалистической традиции, где *патриот* - защитник режима, охраняющего социальное неравенство. Уместно было использовать слово *патриот*, лишь противопоставляя "лакейству" "истинную любовь к отечеству", то есть защиту интересов отечества в целом, и прежде всего "защиту угнетенных". Но такое истолкование слова *патриот* было в России практически запретным. Официально утверждалась нераздельность понятий "отечество" и "государство".

Интеллигенты и патриоты

В эпоху Александра III большинство интеллектуалов воспринимали официальный "патриотизм" враждебно. А к началу XX в. довольно распространенным в периодике было противопоставление таких понятий, как "интеллигент" и "патриоты".

Понятие "интеллигент", то есть "понимающий", аксиоматически подразумевало не только образованность, но и приверженность либеральным ценностям. В данном случае - это неприятие сословного неравенства и конфессиональной дискриминации, в Российской империи законодательно установленных. Соответственно, "интеллигенция" - обозначение внесословного единства оппозиционно настроенных интеллектуалов. Возникновение понятия "интеллигенция" стало возможным именно в силу осознания неестественности законодательно утвержденной сословной, этнической и конфессиональной дискриминации, то есть неуместности самодержавия как деспотического режима. Почему и оппозиционность такому режиму считалась естественной.

Конечно, оппозиционность "интеллигента" не всегда была радикальной, соотнесенной с агрессией, стремлением изменить российскую действительность насильственно. А вот именовавшие себя *патриотами* акцентировали именно агрессивность в стремлении выразить пресловутую любовь к отечеству. Такова была, что называется, специфика жанра.

Официальный "патриотизм" использовался как орудие борьбы с инакомыслием. Не случайно идеологию подобного рода иронически называли "казенным патриотизмом". В данном случае прилагательное "казенный" указывало и на связь с официальными идеологическими установками, и на источники финансирования. Этот патриотизм субсидировался и поощрялся на уровне правительства. Потому "казенным патриотам" надлежало проявлять себя в борьбе за интересы отечества. Значит, нужны были конкретные противники.

Найти таковых труда не составляло. Раз уж речь шла о защите православия и самодержавия, противники нужны были конфессиональные и политические. На роль первых годились прежде всего евреи - как представители конфессии, официально дискриминируемой в Российской империи. Политическими же противниками непременно должны были стать все инакомыслящие. Само инакомыслие в принципе объявлялось результатом иноземного и, конечно, иноконфессионального влияния. К врагам, соответственно, относилось и либеральное студенчество. Вот почему *патриотами* называли в либеральных кругах воинствующих ксенофобов, черносотенцев, погромщиков. Для них агрессивность в охране режима от инакомыслящих непременно предполагала конкретные выгоды. Непосредственно для погромщиков - безнаказанность.

Погромные сообщества - конечно, профанный уровень "казенного патриотизма". Хотя бы минимальное образование подразумевало более сложный уровень. Впрочем,

основа идеологии следующего уровня была все той же - заговор, руководимый иностранцами, заговор иноверцев, инородцев и т.п.

Русско-японская война способствовала утверждению такого отношения к слову *патриот*. Все поражения воспринимались как результат бессилия монархии, нежизнеспособности самодержавия.

Примечательно, что в работах многих русских социалистов-радикалов *патриот* - либо обманутый невежда, либо наглый лицемер, ссылкой на "любовь к отечеству" маскирующий стремление грабить и сохранять награбленное. Были, конечно, и другие истолкования слова *патриот*, но такие исключения - редкость. В либеральной периодике *патриот* стал карикатурным персонажем: это уверенный в своей безнаказанности пьяный лавочник, который, потрясая хоругвью или портретом императора, призывает "бить жидов и студентов", дабы "спасать Россию".

Очередной раз ситуация изменилась в годы Первой мировой войны. Тогда понятия "интеллигент" и "патриот" уже не противопоставлялись аксиоматически. Слово *патриот* ассоциировалось именно с военным противостоянием, защитой отечества, но своего рода инерция негативного отношения к нему еще долго ощущалась.

Pro et contra

В советском государстве слово *патриот* обиходным стало далеко не сразу. Что, конечно, обуславливалось и либеральной традицией, и марксистскими установками. Зато противники советского режима сразу объявили себя "русскими патриотами". В данном случае "борьба с большевистским режимом" осмыслялась как "патриотический долг", защита отечества. Характерно, что защита монарха, восстановление монархии не осмыслялись как "патриотический долг" подавляющим большинством противников советского режима. Наиболее популярными лозунгами противников советского режима были "защита Учредительного собрания" и "защита единой и неделимой России". Советский режим и самодержавие даже отождествлялись как режимы тиранические, что и выражал неологизм "комиссародержавие", весьма частотный в периодике, издававшейся на территориях, не контролируемых советским правительством.

Все это, конечно, не помешало советским пропагандистам использовать инерцию прежнего, довоенного отношения к слову *патриот*. Осмеивание *патриотов*, защищающих "царя, помещиков и капиталистов", было в начале гражданской войны важным элементом советской пропаганды. Противникам советского режима непременно приписывалось стремление реставрировать монархию, восстановить "старый режим". Однако и советское правительство использовало лозунги, контекстуально связанные со словом *патриот*, причем с обязательной ссылкой на иностранное вмешательство, интервенцию. Наиболее популярный лозунг 1918 г. - "Социалистическое отечество в опасности!".

Стоит еще раз подчеркнуть: советские идеологи обратились к хрестоматийно известному примеру. Лозунг эпохи Великой французской революции, *патриотический* лозунг, был лишь несколько изменен. В отличие от граждан Французской республики, гражданам советского государства надлежало защитить не просто отечество, но "социалистическое отечество".

Была тут и неочевидная пропагандистская уловка. Обновленный лозунг оказался, что называется, двунаправленным. С одной стороны, акцентировалась необходимость защитить так называемые "завоевания революции", то есть ликвидацию сословий, уравнение в правах и т.п. А с другой стороны, речь шла все же о защите отечества, русских призывали защитить Россию от иностранных войск, так что имелось в виду именно *патриотическое* служение. В этом аспекте обновленный лозунг отчасти не соответствовал традиционным пропагандистским установкам социалистов-радикалов. Впрочем, издержки, так сказать, идеологического характера были весьма незначительны.

Особо актуальным лозунг стал в период советско-польской войны. Советские идеологи даже воспользовались помощью одного из самых популярных русских генералов,

А. Брусилова, опубликовав его обращение ко всем офицерам, призывавшее исполнить долг *патриотов*, то есть служить в Красной армии, защищавшей Россию от Польши.

Но, используя подобного рода пропагандистские уловки, советские лидеры бдительно следили за тем, чтобы в иных публикациях слово *патриот* не соотносилось открыто с идеей национальной вражды.

Подразумевавшееся Брусиловым противопоставление русских и польских интересов оказывалось уместным лишь в брусиловском же воззвании. Официальные же публикации должны были вновь и вновь утверждать марксистскую идею единства интересов рабочих и крестьян всех стран.

По мере стабилизации советского режима видоизменяются и пропагандистские установки. Все более частыми становятся попытки снять противопоставление интернационального национальному. И слово *патриот* ко второй половине 1930-х гг. истолковывается почти что в рамках досоветской традиции. Советское государство официально объявляется "истинным отечеством всех трудящихся", почему и *патриотизм*, точнее, *советский патриотизм* не подразумевает идеи национального превосходства.

Возрождение традиций

В годы Второй мировой войны марксистские догмы не отбрасываются, но "советский патриотизм" уже вполне официально признается тождественным "русскому патриотизму". Послевоенный период осмыслился И. Сталиным как подготовка к новой глобальной войне, а потому был выбран традиционный алгоритм - утверждение национализма. Расчет прежний: державная мощь и величие как доказательство правильности государственного устройства и государственной идеологии, а этническое превосходство - компенсация социальной или интеллектуальной дефицитарности.

24 мая 1945 г. на кремлевском приеме в честь высшего командования Сталин провозгласил русский народ "руководящей силой Советского Союза среди всех народов нашей страны". Более того, русский народ Сталин определил как "руководящий народ". Это был вполне понятный сигнал. Соответственно, выражением "русского патриотизма" должно было стать и стало аксиоматическое признание превосходства всего русского.

Именно тогда советские пропагандисты начали азартно утверждать русский приоритет во всех областях естествознания. Чуть ли не каждое сколько-нибудь заметное научное открытие или техническое изобретение - анестезия, паровой двигатель, радиосвязь, электрическое освещение - приписывалось русским ученым или инженерам.

Это была одна из наиболее масштабных и длительных погромных кампаний - "борьба с низкопоклонством перед Западом" во всех областях. Даже иностранные названия приборов, механизмов или кондитерских изделий заменялись из *патриотических* соображений русскими аналогами. Так, "французская булка" стала "городской", пирожное "эклер" - "трубочкой с кремом" и т.п. Любые попытки выйти за рамки официальной парадигмы истолковывались как попытка унижить русский народ.

Можно сказать, что анекдотический проект "О переформировании де сиянс академий", предложенный щедринским героем, был реализован Сталиным в полной мере. Во-первых, Сталин утвердил, наконец, в качестве основного постулата неизменное превосходство русских ученых. Русский приоритет в любой области естествознания должен был придать - и придал - этому постулату убедительность. Во-вторых, был создан колоссальный штат цензоров, дополняемый азартными добровольцами, чьим основным занятием стало пресловутое "рассмотрение" наук. По итогам подобного "рассмотрения" и решалось, какие науки "подлинно распространяли свет, а не тьму". Не способствующими "выполнению начальных предписаний" оказались признаны, в частности, генетика и кибернетика, в результате официально объявленные "буржуазными лженауками" и даже "продажными девками империализма".

Примечательно, что и другой анекдотический проект - "О необходимости оглушения в смысле временного усыпления чувств" - тоже реализовался в полной мере. Прежде всего, средствами цензуры удалось добиться тотального "оглушения", способствовавшего "дремотствованию" умов. Пожалуй, советская цензура еще никогда не была так эф-

фективна. Затем удалось организовать и псевдоинтеллектуальную деятельность, благодаря которой, как утверждал шедринский герой, умы "будут дремотствовать, но дремотствовать деятельно". Едва ли не каждому советскому гражданину, получившему хотя бы среднее образование, полагалось изучать приснопамятный сталинский "Краткий курс истории ВКП(б)", впервые опубликованный в 1938 г. Для этого организовывались специальные группы на заводах, фабриках, учреждениях, в которых изучались сталинские работы, "разоблачались" всякого рода "буржуазные лженауки", "буржуазные направления" в различных научных областях и т.п. Что и объявлялось средствами воспитания истинных *патриотов*.

Соблазнительна, конечно, была бы гипотеза непосредственной связи пропагандистских кампаний послевоенных лет и пародийных шедринских алгоритмов. И все же такое проявление сталинской макабрической иронии маловероятно. Да, Сталин читал Салтыкова-Щедрина, часто цитировал, но, скорее всего, выбирал методы насаждения "патриотизма", не ориентируясь на русскую сатирическую традицию. Вряд ли видел он себя в шедринском зеркале *патриота*. Салтыков-Щедрин пародировал, сводил к абсурду официальные идеологические установки, методы решения пропагандистских задач. Сталин же решал задачи, весьма сходные с теми, что решали официальные идеологи самодержавия. А сходные задачи, как правило, решаются сходными методами.

Истерическая общность

Кампания повсеместного утверждения официального "патриотизма" должна была, как и другие советские пропагандистские кампании, перейти в предельно истероидную форму. И это отчетливо прослеживается на исходе 1940-х гг. Единство народа достигалось посредством демонстрирования общей угрозы, общего врага. Соответственно, русским *патриотам* были противопоставлены не только "внешние враги", так называемое "империалистическое окружение", но и "внутренние враги", именуемые "антипатриотами". Разумеется, "антипатриотами" стали инакомыслящие. А для обоснования самой возможности инакомыслия использовались опять же традиционные методы.

Инакомыслие согласно пропагандистским установкам могло быть результатом деятельности либо иностранцев, либо инородцев, либо тех и других сразу. И тут опять была разыграна традиционная карта - антисемитизм. В данном случае можно спорить, что имело большее значение - ранее подавлявшиеся ксенофобские интенции Сталина или пропагандистская прагматика? Но в любом случае понятно, что апробированная технология "казенного патриотизма" использовалась почти без изменений.

Конечно, в программных документах коммунистической партии, предназначенных для публикации, любые проявления национализма, дискриминации по этническому признаку осуждались, потому осуждался и антисемитизм. Неофициально же антисемитизм культивировался под лозунгом борьбы с "антирусскими настроениями" и, наконец, с "буржуазным космополитизмом".

Поначалу антисемитские лозунги вводились весьма осторожно. Так, 28 января 1949 г. "Правда" опубликовала редакционную статью "Об одной антипатриотической группе театральных критиков", где ряду известных театроведов были инкриминированы "отсутствие патриотизма", "низкопоклонство перед Западом", попытки "протащить" уже неоднократно шельмовавшийся ранее "формализм". Статья была продолжением "борьбы с антипатриотами", однако здесь направленность была очевидной - "антипатриотами" именовали преимущественно евреев. Прежде всего им инкриминировали "антирусские настроения" и "космополитизм". Одновременно развернулись кампании "разоблачения безродных космополитов", "еврейских буржуазных националистов" почти во всех областях - музыке, кинематографе, литературе, истории, биологии, химии, математике и т.п.

Как и обычно, под "идеологическим" прикрытием сводились личные счеты, занимались должности "разоблаченных", новоявленные *патриоты* требовали преимуществ

именно в силу этнической принадлежности. В начале 1950-х гг. ксенофобская направленность акций подобного рода почти не маскировалась.

Подготовка к новой глобальной войне традиционно же сопровождалась акциями устрашения. Гласными и негласными. В частности, "патриотическими" соображениями неофициально обосновывались депортации крымских татар, калмыков, ингушей, чеченцев, карачаевцев и т.д. Предлог - факты сотрудничества представителей депортированных этносов с гитлеровской администрацией - был заведомо абсурден. Сама идея этнической вины отрицала идею права: даже в соответствии с законами советского государства виновным признать можно было лишь индивида, а не этнос. Но ведь и право не впервые игнорировалось. Высшим партийным руководством обсуждался и вопрос о возможности депортации евреев, правда, этому отчасти препятствовали прогнозируемые ассоциации с режимом нацистской Германии.

Однако истерия вступала в завершающую фазу. 13 января 1953 г. "Правда" опубликовала статью "Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей". Это было сообщение о готовящемся судебном процессе: "Сегодня публикуется хроника ТАСС об аресте группы врачей-вредителей. Эта террористическая группа, раскрытая некоторое время тому назад органами государственной безопасности, ставила своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза. Следствием установлено, что участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно, злодейски подрывали их здоровье, ставили им неправильные диагнозы, а затем губили больных неправильным лечением. Прикрываясь высоким и благородным званием врача - человека науки, эти изверги и убийцы растоптали священное знамя науки. Встав на путь чудовищных преступлений, они осквернили честь ученых".

Главной целью "шпионов и убийц", если верить статье, было истребление советских военачальников. Обвиняемые, как настаивали следователи, намеревались буквально обезглавить армию: "В первую очередь преступники старались подорвать здоровье руководящих советских военных кадров, вывести их из строя и тем самым ослабить оборону страны. Арест преступников расстроил их злодейские планы, помешал им добиться своей чудовищной цели". Понятно, что обвиняемые должны были руководствоваться именно "антипатриотическими" соображениями. Будучи "антипатриотами", они сотрудничали с "империалистическим окружением": "Установлено, что все участники террористической группы врачей состояли на службе у иностранных разведок, продали им душу и тело, являлись их наемными, платными агентами".

Теперь оставалось лишь объяснить, как врачи, да еще и кремлевские, вышли на контакт с "иностранными разведками". Нужно было достаточно внятно объяснить, почему "антипатриотизм" принял такую форму. Тут и предлагалась исчерпывающая - по мнению авторов статьи - интерпретация. Авторы статьи акцентировали, что обвиняемые - евреи: "Они были завербованы филиалом американской разведки - международной еврейской буржуазно-националистической организацией "Джойнт". Грязное лицо этой шпионской сионистской организации, прикрывающей свою подлую деятельность под маской благотворительности, полностью разоблачено. Опираясь на группу растленных еврейских буржуазных националистов, профессиональные шпионы и террористы из "Джойнт", по заданию и под руководством американской разведки, развернули свою подрывную деятельность и на территории Советского Союза".

Впечатление от публикации было шоковым. Врач-убийца, врач-оборотень, перед которым пациент заведомо беззащитен, - фигура пугающая. Этот прием устрашения был апробирован уже в 1930-е гг., когда в советской прессе публиковались сообщения о "врачах-вредителях". Утверждалось, в частности, что их жертвой стал и М. Горький. Но тогда этих врачей объединяло лишь стремление нанести ущерб советскому государству, а в 1953 г., если верить советской периодике, "убийцы в белых халатах" руководствовались еще и соображениями национальной мести, антирусскими устремлениями.

Паника возникла едва ли не во всех медицинских учреждениях. Многие пациенты требовали, чтобы их лечили только этнически русские врачи. Абсурдность обвинений

была очевидна лишь тем, кого не захватила истерия, но они не имели возможности публично выразить свое мнение.

За границей антисемитская направленность явно сфальсифицированного "дела врачей-убийц" тоже вызвала шок, но иного рода. Там сталинскую интенцию видели, память о холокосте была достаточно свежа. Трудно сказать, чем бы все это кончилось, если бы продолжилось несколько дольше.

Как известно, Сталин умер в марте 1953 г., а почти месяц спустя "Правда" опубликовала "Сообщение Министерства внутренних дел СССР", согласно которому "дело врачей" было без всяких оснований инспирировано руководством уже упраздненного Министерства государственной безопасности, ибо его следователи никогда не располагали никакими доказательствами, обвинения строились только на признаниях самих обвиняемых, не выдержавших пыток.

На этом инцидент официально постановили считать исчерпанным. Истерия шла на убыль, начиналась эпоха, обычно соотносимая с деятельностью Н. Хрущева, эпоха, вскоре названная "оттепелью".

Новое по-старому

Сталинские преемники несколько снизили накал агрессии в пропаганде "советского" и "русского патриотизма". Кампания "по борьбе с космополитизмом" прекратилась, в периодике о ней упоминали довольно редко, да и об "антипатриотах" тоже.

Но интеллектуалы, уже не столь запуганные, ассоциировали подобного рода пропагандистские кампании с прежними, досоветскими. Сходных черт хватало. Как и прежде, рассуждениями о патриотизме прикрывались неуклюжие попытки добиться привилегий, благоволения начальства, возможности безнаказанно пограбить. О патриотизме, о защите интересов отечества чаще всего, как и прежде, рассуждали в печати именно те, кому не пришлось защищать отечество на передовой. Как и прежде, чем дальше от фронта, тем больше оказывалось *патриотов*, как и прежде, где *патриоты* - там и погром. И конечно, без фальсификаций, как и прежде, "казенные патриоты" не обходились.

К началу 1960-х гг. отношение к слову "патриот" в среде интеллектуалов было двойственным. С одной стороны, оно вызывало ассоциации с военной эпохой. И тут не было места отрицательным коннотациям. С другой стороны, под термином *патриот* и тогда подразумевалась не только идея безоговорочной преданности советскому режиму, но и безоговорочное признание целесообразности ксенофобских пропагандистских кампаний 1940 - 1950-х гг., геноцида, национализма в самых агрессивных проявлениях. В таких случаях возникновение отрицательных коннотаций было неизбежно.

Кстати, характерное для советских интеллектуалов отношение к слову *патриот* отчетливо прослеживается в стихах одного из самых популярных и в то же время "обласканных властью" советских поэтов - Е. Евтушенко. В 1965 г. журнал "Юность" публикует его поэму "Братская ГЭС", где истинными *патриотами* названы декабристы, противопоставленные *верноподданым*, "ура-патриотам", требующим признать холуйство проявлениями истинного патриотизма (здесь и далее цит. по [Евтушенко, 1965, с. 12 - 15]).

Разумеется, истинным *патриотом* здесь назван А. Пушкин, а противопоставлен ему - Ф. Булгарин. Противопоставлялись, конечно же, Россия пушкинская и Россия булгаринская, Россия "ура-патриотов":

Какой-то ревностный служака,
Солдат гоняя среди мрака,
Учил их фрунту до утра,
Учил "ура!" орать поротно,
Решив, что "сущность" "патриота" -
Преподавание "ура!".

Булгарин в дом спешил с морозцу
И сразу - к новому доносцу
На частных лиц и на печать,

Живописал не без полета,
Решив, что "сущность" "патриота" -
Как заяц, лапами стучать.

Корпели цензоры-бедняги.
По вольномыслящей бумаге
Потея, ползали носы,
Носы выискивали что-то,
Решив, что "сущность" "патриота" -
Искать, как в шерсти ищут псы.

Но где-то вновь под пунш и свечи
Вовсю крамольничали речи,
Предвестьем вольности дразня.
Вбегал в снегу и строчках Пушкин...
В глазах друзей и чашах с пуншем
Плясали чертики огня.

Пушкин здесь, конечно, идеолог декабристов. Идеолог офицеров, присягавших монарху и восставших против монарха, пожертвовавших карьерой:

Но шпор заманчивые звоны
Не заглушали чьи-то стоны
В их опозоренной стране.
И гневно мальчишки мужали,
И по-мужски глаза сужали,
И шпагу шарили во сне.

А их в измене обвиняла
И смрадной грязью обливала
Тупая свора стукачей.
О, всех болгаринных наивность!
Не в этих мальчиках таилась
Измена родине своей.

Не так уж важно, знал ли Евтушенко, что Булгарин дружил с Рылеевым, Бестужевым-Марлинским, А. Одоевским и доносил на них не писал. Булгаринские доносы "на частных лиц и на печать", как и "свирепства" цензуры, - реалии николаевской эпохи, а не александровской. В любом случае понятно, что для Евтушенко актуальны были рассуждения о доносчиках и цензорах, называвших себя патриотами, но служивших власти, а не отечеству. Власть, по сути предававшей интересы отечества. И автор "Братской ГЭС" подчеркивал, что истинными патриотами были те, кого объявили "изменниками":

Измена тискала указы,
Боялась правды, как проказы.
Боялась тех, кто нищ и сир.
Боялась тех, кто просто юны.
Страшась, прикручивала струны
У всех опасно громких лир.

О, только те благословенны,
Кто, как изменники измены,
Не поворачивая вспять,
Идут на доски эшафота,
Поняв, что "сущность" "патриота" -
Во имя вольности восстать!

Аллюзии, типичные для поэзии "шестидесятников", да и для всей эпохи так называемой "оттепели", были тогда очевидны. Евтушенко полемизировал с "ура-патриотами" сталинской эпохи. Да и не только сталинской, что специально акцентировалось. Но

это - с одной стороны. А с другой - Евтушенко славил хрестоматийных революционеров, что не противоречило советской парадигме.

Правда, в итоге получалось, что себя и читателей-единомышленников автор сравнивал с "вольнодумцами" александровской и не только александровской эпохи, "вольнодумцами", преследуемыми "тупой сворой стукачей", "казенных патриотов", из-за которых слова *патриот* и *верноподданный* стали чуть ли не синонимами. Отсюда следовало, что и в 1960-е гг. истинный *патриот* не может назвать себя *патриотом*, не рискуя быть причисленным к холуйствующим перед властью.

Несколько лет спустя аллюзии подобного рода стали считаться в СССР не вполне уместными. Хрущевские преемники вновь использовали традиционные пропагандистские технологии. Вновь актуализовались уже проверенные компоненты - национализм, ксенофобия.

При этом идеологические установки эпохи "оттепели" не были признаны официально отмененными. Единства здесь у советских идеологов не было, и реализовывались сразу два проекта - "оттепельный" и "национально-патриотический". Почему и возникло своего рода "журнальное противостояние", а затем и "журнальная война". Среди изданий, пытавшихся отстаивать традиции "оттепели", наиболее влиятельным был "Новый мир", возглавляемый А. Твардовским, а в группе "национально-патриотических" лидировал "Огонек" под руководством А. Софронова.

"Журнальная война" - в своего рода "активной фазе" - завершилась к началу 1970-х гг. Твардовский утратил пост главного редактора "Нового мира", редакционная политика журнала изменилась. Перевес "национально-патриотической" группировки стал очевиден. И хотя официально насаждаемый "патриотизм" по-прежнему вызывал протесты многих интеллектуалов, но возможности полемизировать с откровенными шовинистами у них было все меньше.

Патриот "forever"

Ситуация несколько изменилась ко второй половине 1980-х гг. "Журнальная война" резко активизировалась, что отражало расстановку сил в партийной элите. В борьбе с политическими оппонентами М. Горбачев стремился использовать оппозиционно настроенных интеллектуалов.

Цензурные запреты постепенно деактуализовались, и "национально-патриотические" издания, среди которых лидировали журналы "Молодая гвардия" и "Наш современник", уже вполне откровенно провозглашали ксенофобские лозунги. Что, разумеется, немедленно использовали оппоненты, откровенно издевавшиеся над косноязычными сообщениями о "всемирных масонских заговорах", "патриотическом долге борьбы с еврейским засильем" и т.п.

Отношение к слову *патриот* оставалось двойственным. Бесспорно, оно ассоциировалось с ксенофобскими кампаниями, инициировавшимися журналом "Наш современник", который все чаще именовали иронически - "Наш соплеменник". Однако и военные ассоциации были устойчивы.

Пожалуй, именно здесь оппозиционно настроенные публицисты допустили ошибку. Риторическую ошибку. Противники советского режима в полемическом азарте увлеклись иронизированием по поводу слова *патриот*, надеясь на предсказуемые, как они полагали, ассоциации с погромными сообществами *верноподданных*, ассоциации с одиозными пропагандистскими кампаниями сталинской эпохи и т.д., но при этом ими был проигнорирован другой ассоциативный ряд.

Ошибка была весьма серьезной. Прежде всего потому, что "верноподданические" ассоциации вовсе не обязательно устойчивы. Далеко не всем памятна традиция русской оппозиционной публицистики, далеко не все постоянно вспоминают о сталинских пропагандистских кампаниях, связанных со словом *патриот*. И тут нельзя было не учитывать другие ассоциации: слово *патриот* по-прежнему ассоциировалось с защитой отечества. А в данном случае ирония неуместна.

Сама постановка риторической задачи оказалась изначально неверной. Противники тоталитарного режима полемизировали с идеологами *верноподданных*, игнорируя тот факт, что далеко не во всех контекстах слова *патриот* и *верноподданный* - синонимы. Огульное высмеивание *патриотов* не могло не обусловить реакцию протеста.

Риторически целесообразно было бы вновь разделить *верноподданных* и *патриотов* - в традиционном понимании этого слова. Но, как правило, этого не делали. Интеллектуалы в России по-прежнему были готовы к разговору только с такими же, как они. Аудитория иного характера попросту не принималась во внимание. Не исключено, что это происходило неосознанно, но все равно происходило, происходит и теперь.

Политики, эксплуатировавшие слово *патриот*, сумели воспользоваться ошибкой своих соотечественников, боровшихся против советского режима. Им вновь инкриминировали "антипатриотизм". Это был эффективный прием, и ныне действующий безотказно. В политической борьбе нельзя не использовать брешь в обороне противника, нельзя не использовать его ошибки. Свидетельство тому - партия "Патриоты России", само название которой опять подразумевает борьбу с некими "антипатриотами". И нетрудно предсказать, что оппоненты-интеллектуалы смогут противопоставить идеологам "Патриотов России" лишь иронические эскапады в связи со словом *патриот*. Печальный результат таких эскапад очевиден.

Казалось бы, не так уж и сложно избегать риторических ошибок, но полемическая инерция слишком велика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архив князя Ф. А. Куракина. Т. 8. Саратов, 1899. *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1878.

Добролюбов Н. А. Луч света в темном царстве // *Н. А. Добролюбов.* Избранное. М., 1937. *Евтушенко Е.* Братская ГЭС // Юность. 1965. N 4.

Лемке М. Николаевские жандармы и литература. 1826 - 1865 гг. СПб., 1908. *Одесский М.* Укрощенный мессианизм: "Руфь" В. В. Измайлова - библейская инсценировка для детского театра // *Quadrivium: К 70-летию профессора В. А. Московича.* Иерусалим, 2006. *Радищев А. Н.* Собр. соч. В 3 т. Т. 1. М., 1938.

Рылеев К. Ф. Царь наш, немец русский // *Декабристы.* Антология. В 2 т. Т. 1. М., 1975. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. В 12 т. Т. 2, 3. М., 1951. *Jefferson Th.* A Letter to W.S. Smith // *The American Age of Reason.* М., 1977.